

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-10-2-45>

УДК 821.161.1

ТЕАТР ИДЕЙ И БЕСКОНЕЧНЫЙ ПЕРФОМАНС ИСТОРИИ: ПОЭТИКА РОМАНА ВЛ. ШАРОВА «РЕПЕТИЦИИ»

М.В. Ларина (Красноярск, Россия)

Аннотация

Историка и писателя Владимира Шарова волновала проблема исторической памяти, ее сохранности на фоне трагически повторяющихся событий российской истории. Считая заимствование идей, готовых сценариев общественного развития и их искусственное внедрение на русской почве гибельным, автор ставит вопрос о выборе собственного пути народом и каждой отдельной личностью.

В статье рассматривается поэтика романа «Репетиции» сквозь призму развития идеи богоизбранности русского народа и мифологема Второго пришествия Христа. Анализируя исторические сценарии, репрезентируемые тремя нарраторами, мы проследили их реализацию в жизни замкнутой общины, секты, случайно созданной французским комедиографом Сертаном. Слишком буквальное понимание своих ролей в постановке по Евангелию от Матфея, излишняя перформативность превращают жизнь сектантов в замкнутый круг репетиций, сменяющихся массовыми убийствами. Желание разорвать этот круг появляется у героя лишь при осознании возможности самостоятельно строить свою судьбу, не порывая с собственным прошлым.

При написании статьи использованы методы мотивного, семиотического, интертекстуального и дискурсного анализа.

Ключевые слова: Владимир Шаров, «Репетиции», карнавализация истории, мифологема Второго пришествия Христа.

Владимир Шаров, писатель и кандидат исторических наук, обращается к истории как к материалу для своих произведений, создавая фантазмагии, где исторические времена предстают вечным карнавалом без прошлого и будущего, всегда в настоящем. Творчество автора современные литературоведы относят к направлению «альтернативной истории», широко представленной в европейской и отечественной словесности. Достаточно вспомнить имена У. Эко, Кр. Рансмайра [Ковтун, Ларина, 2019, с. 33–45], В. Сорокина [Uffelmann, 2020], Т. Толстой [Ковтун, 2009, с. 85–98], Л. Улицкой [Войводич, 2016, с. 209–226].

Для Шарова-историка печальным являлся тот факт, что многие свидетельства отечественной культуры утрачены, историческая память прервана, «корни обрублены» [Marsh, 2007, с. 387]. Свою задачу писатель видит в том, чтобы восстановить связь времен, вернуть русским людям понимание прошлого, закономерностей развития собственной истории: «Если этим не заниматься, не восста-

навливать и оставить все как есть, история превращается в полный бред, никем не понятый и ничем не объяснимый»¹.

В одном из интервью, незадолго до смерти, писатель сказал, что основную особенность русской истории он видит в том, что она всегда понималась как история религиозная: «Русскую историю в том виде, в каком она должна быть, в ее сути, с самого начала формировали монахи и делали это для князей. Они считали, что русский народ избранный, что все это есть святая история, что второе пришествие Спасителя и само спасение произойдет именно на Руси... было принято решение, что все, что в наших пределах происходит, вообще не жизнь, а подготовка к концу света... Люди, которые ради конца света живут и к нему готовятся, это, строго говоря, люди веры, религиозного понимания жизни. Все они живут в мире [...], где участвуют в борьбе добра со злом, греха с праведностью. Все остальное, в общем-то, не так важно. [...] Русская история может быть понята и объяснена сначала до конца только как некий комментарий к Ветхому и Новому Завету. Можно обойтись без всех вещей, связанных с классовой борьбой, тем другим, десятым. Это чисто религиозная история...»².

В эту концепцию вписывается и роман «Репетиции», вышедший в 1992 году в журнале «Нева». В романе проводится аналогия между мифологизированной историей России и Священной историей, буквально разыгранной труппой актеров, представляющих евангельскую мистерию. Судьба невольной созданной французским режиссером Жаком Сертаном секты, учение которой строится на необходимости постоянных репетиций мистерии, подготовке ко Второму Пришествию, разворачивается на фоне реальной истории России XVII–XX веков.

В статье мы анализируем исторические сценарии, которые разыгрываются в романе «Репетиции», выявляем их семиотическое значение, взаимосвязи в общей структуре текста.

Жанр романа трудно определим: постантиутопия, квазиисторический, параисторический, философский роман, абсурдистский роман, «роман-фантазмагория на стыке реалистической прозы и постмодернизма» [Лихина, 2009, с. 87]. Сам автор связывает такую неопределенность с абсурдностью исторического пути России, когда то, что казалось невероятным еще вчера, может стать сегодняшней реальностью. Шаров выделяет два ключевых события российской истории, на фоне которых и происходит действие романа «Репетиции»: Раскол Русской церкви и Октябрьская Революция [Emerson, 2019, с. 597].

Сюжет произведения реализует авторскую идею «бездны повторяемости» российской истории. В этой связи мы считаем важным обратить внимание на то, как строится повествование. Шаров использует характерный прием пересказа: всю информацию читатель получает от нарратора, который, в свою очередь, пересказывает лекции своих преподавателей, архивные документы, найденные рукописи,

¹ Андреева О. «Жизнь – это только испытательный срок». Писатель Владимир Шаров о литературе и смысле русской истории // Горький. 20 августа 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://gorky.media/context/zhizn-eto-tolko-ispytatelnyj-srok/>

² Там же.

письма, события своей жизни и т.д («текст в тексте»). Структура повествования представляет собой набор метатекстов с комментариями рассказчика в следующей последовательности: пересказ околоправославных воззрений религиозного философа Ильина – пересказ лекций профессора-«идеалиста» Кучмия – рассказ героя о работе с профессором Сувориным – перевод дневников комедианта Сертана, выполненный Мишей Берлиным, – пересказ Сергеем второй части дневников Сертана и старообрядческих рукописей – рассказ о судьбе Исаяи Кобылина.

Рассмотрим связь первых трех метатекстов с повествованием о судьбе общины, они важны, так как именно Ильин, Кучмий и Суворин – своеобразные «учителя» нарратора Сергея – выдвигают свои версии-сценарии мировой и российской истории.

Открывается роман анализом воззрений «полурусского-полуеврея» Ильина на христианство и евангельскую историю. Важными здесь становятся вопросы добра и зла, говорится о личности Христа, о роли евреев в Евангелии. В частности, Ильин формулирует некоторые постулаты своей веры, которые будут повторяться или доказываться жизнью общины, созданной Сертаном. Так, философ говорит о книгах Ветхого Завета: «Это путь, пройденный человеком, это история его возвращения к Богу...» [Шаров, 2019, с. 11]. Взгляд на историю евреев как на путь к Богу перекликается с историей секты, ее скитаниями и горестями на пути к Господу. Мотив блужданий чрезвычайно важен для поэтики романа: скитается Сертан до того, как попадает в Новый Иерусалим, скитается труппа актеров-крестьян по пути в Сибирь, сбегают и снова возвращаются в общину мшанниковские евреи. По мнению М. Липовецкого, мотив блужданий иллюстрирует «странствия отсутствующего центра», позволяя точке зрения постоянно меняться [Липовецкий, 2008, с. 78].

Это характерное для литературы необарокко отсутствие центра, вокруг которого должен был бы строиться необходимый культурный код, наиболее ярко представлено в эпизоде репетиций мистерии без Христа. Рассуждая о Христе, Ильин говорит о Его свободе и правоте: «Христос отличен от человека. Он чист, безгрешен, и в Нем есть чувство правоты, знание, что Он в праве, знание, что и тот и этот мир Его, что Он только сошел сюда, вниз, на землю, и может уйти, и уйдет, поднимется из него» [Шаров, 2019, с. 15]. Именно эти качества Христа в художественном пространстве романа влияют на выбор патриархом Никоном способа ускорить Второе Пришествие. Создавая свою евангельскую мистерию и понимая, что крестьяне ничего не смыслят в Священной истории, Сертан, ревностный христианин-католик, берет на себя роль Учителя: разъясняет крестьянам Евангелие и основы христианского учения. Патриарх категорически запрещает комедиографу брать кого бы то ни было на роль Христа: «...не Сертану... дано найти и явить миру Христа... Христу все ведомо, и, когда будет надо, Он явится Сам – это Его дело, а не Сертана» [Шаров, 2019, с. 116]. Никон словно провоцирует историю, испытывая идею Спасителя, на репетициях же актерам приходится играть так, словно Христос уже среди них.

Желание патриарха поставить мистерию на основе Евангелия от Матфея, спектакль, который повторял бы жизнь Христа, но в иное время и в ином географическом пространстве, продиктовано не целью выслужиться перед царем Алексеем Михайловичем, как одно время подозревал Сертан, а необходимостью дать Господу возможность прийти на «Свою землю». Отсюда же и невозможность кому-либо из актеров сыграть роль Христа, ведь Христос должен явиться Сам, когда посчитает нужным. Мистерия для Никона – попытка спровоцировать Второе Пришествие, так как один только Христос способен разорвать зацикленный карнавал русской истории. Перед Никоном стоит неразрешимый без вмешательства Спасителя вопрос: как можно преобразить пребывающего во лжи и разложении человека, остановить очередной цикл истории, который приведет к новым смертям и катастрофам? Из рассказов патриарха очевидно, что он верит в свое избранничество, в предназначенность к разрешению «проклятых вопросов» бытия.

О роли Никона, его личности рассуждает в романе томский профессор Суворин. По его версии, своими реформами опальный патриарх готовил Россию к концу света, который мог и не наступить, потому что «Третий Рим неправильно славил Бога». Именно Суворин обращает внимание на то, для чего Никон берется переносить христианские святыни на русскую почву. Не забывает профессор и о старообрядцах, которые именно в реформах Никона видели близость Страшного суда и ждали Второе Пришествие в 1666 году.

Говоря о деятельности патриарха, Суворин поднимает ставший ключевым для исторических реалий романа «еврейский вопрос». По мнению профессора, Никон еще в юности прочел Священное Писание и увидел, что в этих книгах мир замкнут на евреях, и в них ни слова нет о Святой Руси. Это побуждает его отказаться от какого бы то ни было исторического прочтения Нового Завета, оставив лишь его метафорический, символический смысл, который и должен быть воплощен в отечественных пределах. Для Суворина отказ от историзма был первым шагом на пути от линейной эсхатологии к замкнутой в круге. Такое понимание времени и реализуется в истории секты во Мшанниках, когда место пустого центра займет один-единственный, многократно размноженный эпизод. Регулярно проводимые репетиции становятся единственным смыслом и оправданием жизни людей, которые не видят подлинной красоты мироздания, отрешены от реальности.

Мшанники отделены и удалены от мира (модель острова), власть в общине принадлежит апостолам, ученикам Бога, роли которых строго выверены, сакрализованы. Во время этапирования в Сибирь труппа добровольно делится на три лагеря: христиане, евреи и стоящие несколько особняком римляне. Некогда театральные роли получают социальный статус. Вся жизнь общины является перманентным театральным действием, которое разрушается единожды – апостолом Петром, Ивашкой Скосыревым, окончательно оформившим мифологическую замкнутость репетиций.

После очередной смены ролей, прежде всего апостольских, для общины наступало страшное «безвременье», и Скосырев решает, что живут и действуют актеры неправильно, из-за чего Христос никогда не придет к ним. Виноваты в этом праведники, ради которых Бог до сих пор не истребил гнусную землю от погрязшего в грехах человечества: «Еще больше, чем праведники, виновны евреи. Их жажда к жизни ни с чем несравнима. Несколько раз они сумели подловить Господа и вырвали у Него обетование сделать их многочисленными, как звезды на небе, и не губить никогда, ни за какие грехи. Господь заключил с евреями завет и почти весь срок жизни людей на земле смотрел на мир через евреев и их глазами. Он был занят ими, евреи отняли Бога у других народов... Даже Христос – и Тот пришел на землю, чтобы спасти именно евреев» [Шаров, 2019, с. 232]. Травмирующим обстоятельством здесь становится осознание актерами того, что Христос не придет к ним, репетиции напрасны. Его отсутствие не может быть устранено, с ним нужно как-то жить, что рождает фундаментальное беспокойство в среде апостолов. Стремление избежать беспокойства толкает их на проецирование вины на евреев. Петр решает, что евреи не хотят Второго Пришествия, нужно их перебить, тогда они расторгнут свой договор с Богом, и он придет. Петра поддерживают другие апостолы, и начинаются очередные гонения на евреев, закончившиеся их исходом из Мшанников с последующим возвращением. Таким образом, преданность евреев Христу проверяется готовностью Его распять [Плеханова, 2010, с. 285].

Жизнь общины, созданной вокруг театральной постановки, закольцовывается: избрание апостолов – репетиции – перераспределение ролей – избиение евреев – уход евреев – возвращение евреев. Устанавливается вечно повторяющийся мифологический круг, время исчезает, эсхатология романа вместо линейной с ожиданием Второго Пришествия превращается в мифологическую, с ее замкнутостью на одном-единственном эпизоде. Петр создает свое «Евангелие от Петра», впервые изменяет текст мистерии, по-трикстерски разрушая ее, дает новые правила игры, новый закон.

Мифологическую повторяемость русской истории пытается проанализировать в своих лекциях еще один учитель рассказчика – профессор философии Кучмий. По его мнению, люди несовершенны и их существование бессмысленно: «Тысячекратное смешение всех и вся со всеми, что, в сущности, является главным содержанием истории, – и есть виновник того, что человечество столь бессмысленно и бездарно» [Шаров, 2019, с. 27]. Кучмий мифологизирует прошлое, так как до настоящего доходят только прообразы, «спутанные и нерасчленимые массы», и это повторяется из эпохи в эпоху.

Лекции Кучмия вводят в повествование еще один метатекст. Дело в том, что профессор читает спецкурс «Гоголь и сравнительное литературоведение». Отсылка к творчеству именно этого писателя не случайна. Гоголь, как и многие другие русские авторы, стремился понять пути-перепутья российской истории, осмыслить, найти ту точку, к которой можно было бы вернуться и разорвать порочный круг. Гоголевский образ Руси-Тройки, несущейся неизвестно куда, в кон-

тексте романа «Репетиции» приобретает истинно апокалиптические черты. Кучмий считает, что страсть Гоголя к дороге – его единственная надежда «скрыться и спастись» от творящегося вокруг безумия (в том числе и собственного), но трагедия в том, что бежать получается только по кругу. Ни один из возниц Русси-Тройки не смог вывести ее на широкую, прямую, счастливую дорогу, собственно, великая русская классика – об этом, о поиске ошибки, исправив которую, можно искупить судьбу [Ковтун, 2011, с. 1045–1057].

Свой рассказ о Гоголе Кучмий перемежает историями из жизни, одна из которых, о следователе Челнокове, важна для понимания идейного замысла романа. Уничтожая человека физически, этот чекист оставляет его имя для истории, жизнь человека – его плата за историческую память о самом себе: «Чекисты вырывают человека из небытия, они от имени истории предъявляют ему счет, возвышая испуганного обывателя до масштабов выдающихся деятелей... Ты уже – не обыватель, который по неосторожности сказал резкое словцо на коммунальной кухне, а один из творцов международной политики»³. Для Челнокова сам он – писатель, подследственные – герои произведения, которое он сам же про них и пишет. Эти люди настолько вживаются в роль, придуманную для них Челноковым, что сами начинают рассказывать ему «о себе», о собственных несуществующих злодеяниях. Свою миссию чекист считает невероятно благородной и нужной, так как, по его мнению, смысл жизни – увековечить себя в истории. Ситуация с Челноковым концентрирует внимание на аспекте, связанном с ответственностью отдельной личности перед историей, роли в ней отдельно взятого человека. В романе этот аспект раскрывается и на уровне народа (судьба секты Сертана), и на уровне отдельно взятого человека (мальчика Исая, избежавшего участи своей общины).

Профессор Суворин обобщает необходимый для формирования народа алгоритм, который повторяет община Сертана, образуемая изначально как некое коллективное тело: «В сущности, Сертан создал новый народ... <который>... жил очень сложной, взрослой, и, пожалуй, даже старой жизнью, как и старость, она была обращена к концу, окружающая жизнь казалась ему неразумной и детской, но в ней, несмотря на всю ее простоту, было столько горя, что сил терпеть его уже не было, и все ждали и молили Господа о спасении» [Шаров, 2019, с. 222]. Суворин же определяет характерные для русской нации черты, такие как замкнутость и ощущение «того, что они остались последние». В самих терминах «секта», «община», которыми в тексте обозначена группа актеров мистерии, скрыто значение общего образа мыслей, образа жизни, при этом указывается на определенную закрытость сообщества, на его противопоставление себя прочим (ср. «секта» в словаре Ожегова – «религиозное течение (община), отделившееся от какого-нибудь вероучения и ему противостоящее»), то есть это коллективное тело в первую очередь объединено идеей. Суворин высказывает предположение, что

³ Беззубцев-Кондаков А. Карать и врачевать. О прозе Владимира Шарова // Литературно-философский журнал «Топос». 2006 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.topos.ru/article/4351>

история России есть прежде всего жизнеописание идей, доминировавших среди русского народа. Если обратить внимание на структуру романа, то весь текст посвящен исследованию идеи конца времен, который должен произойти на Руси. Именно эта идея театрализует исторические реалии, связывает разные исторические пласты в романе.

Перфомативность бытования секты Сертана связана с еще одной особенностью российской истории – стремлением к созданию симулякров из разного рода заимствованных идей и концепций. Для общины Сертана созданный ей симулякр постепенно заменяет саму цель: в очередной раз пробираясь по болотам за убегающими «евреями», «христиане» в прямом смысле попадают в земной рай, не зная, что теперь с этим делать. Они не могут ни оценить, ни принять райски прекрасную землю, ибо по сценарию *должны* вновь догонять «евреев».

Финал общины трагичен: сбежав из рая под предводительством «бесноватого» и перебив всех евреев, «христиане» возвращаются в свой ГУЛАГ. Случайно выживший мальчик Исаяя сначала идет по инерции путем всех «евреев», но в последний момент сворачивает с намеченного пути: «Дальше он уже был не еврей» [Шаров, 2019, с. 346]. Исаяя попадает из былой цикличности в новую линейность, иными словами, из предопределенности в управляемое им самим время [Шейко-Маленьких, 2006, с. 85]. В этой связи даже имя героя не случайно («иешаяху» – «спасение, посланное Богом»): библейский пророк Исаяя, хотя и не отрицал роли предопределения в жизни людей, подчеркивал, что судьба человека зависит от его личного выбора и поступков. Обрывки рукописей, «Евангелие от Петра» и дневник Сертана попадают к рассказчику от выросшего Исаяи, который стал хранителем исторической памяти общины, не отказался от своего прошлого, но при этом построил свою судьбу сам.

Идеи богоизбранности России, воплощения Нового Иерусалима и Второго пришествия Христа с точки зрения идеологии, поэтики романа появляются не случайно, связаны с культурным, историческим наследием. Но то, как абсурдно, перфомативно они реализуются, теряя первоначальные смыслы, сводит их в один страшный мифический круг, происходит редукция времени. Буквальная реализация идеи оборачивается руинами, Новый Иерусалим превращается в ГУЛАГ. Подобная ситуация возможна при условии нивелирования исторической памяти. Переводчик дневников Сертана Миша Берлин сравнивает отказ от прошлого с рождением не из материнской утробы, а из идеи, где все «искусственное и ненатуральное», чуждое естественному развитию вещей. Порочный круг повторений разрывается лишь в момент осознания личностью ценности собственного пути как судьбы, необходимости связи с прошлым, без чего будущее невозможно.

Библиографический список

1. Андреева О. «Жизнь – это только испытательный срок». Писатель Владимир Шаров о литературе и смысле русской истории // Горький. 20 августа 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://gorky.media/context/zhizn-eto-tolko-ispytatelnyj-srok/> (дата обращения: 03.04.2020).

2. Беззубцев-Кондаков А. Карать и врачевать. О прозе Владимира Шарова // Литературно-философский журнал «Топос». 2006 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.topos.ru/article/4351> (дата обращения: 13.04.2020).
3. Войводич Я. После взрыва (на примере книги Л.Е. Улицкой «Детство 45–53: а завтра будет счастье» // Категория взрыва и текст славянской культуры / ред. Н. Злыднева. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 209–226.
4. Ковтун Н.В. Русь «постквадратной» эпохи. (К вопросу о поэтике романа «Кысь» Т. Толстой) // *Respectus Philologicus*. 2009. № 15 (20).
5. Ковтун Н.В., Ларина М.В. Феномен карнавализации в романе Кристофа Рансмайра «Последний мир» // Сибирский филологический форум. 2019. № 2.
6. Ковтун Н.В. On the Ruins of the «Crystal Palace» or the Fate of Russian Utopia in the Classical Era (N.G. Chernyshevsky, F.M. Dostoevsky, M.E. Saltykov-Shchedrin) // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences*. 2011. № 7 (4).
7. Липовецкий М. Паралогии. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 222 с.
8. Лихина Н.Е. Утопический аспект романа В. Шарова «Будьте как дети» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2009. № 8. С. 87–90.
9. Плеханова И. Константы переходного времени // Мифологема «второго пришествия Христа: духовно-интеллектуальные версии во времени и пространстве. Иркутск, 2010. 491 с.
10. Шаров Вл. Репетиции. М.: АСТ, 2019. 345 с.
11. Шейко-Маленьких И. Проблемы поэтики прозы Владимира Шарова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2006. № 19. С. 74–88.
12. Emerson C. Review essay: Vladimir Sharov on History, Memoir, and a Metaphysics of Ends // *Slavic and East European Journal*. 2019. № 64.3. С. 597–607.
13. Marsh R. Literature, History and Identity in Post-Soviet Russia, 1991–2006. Bern: Peter Lang AG. International Academic Publishers. 2007. 594 p.
14. Uffelmann D. Vladimir Sorokin's Discourses: A Companion. Boston: Academic Studies Press, 2020. 238 p.

Сведения об авторе

Ларина Мария Валерьевна – магистрант кафедры филологии, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: philoloh151@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-10-2-45>

THEATER OF IDEAS AND ENDLESS PERFORMANCE OF HISTORY: POETICS OF VLADIMIR SHAROV'S NOVEL "THE REHEARSALS"

M.V. Larina (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The historian and writer Vladimir Sharov was worried about the lack of historical memory, its preservation, against the background of the tragically repeating events in the Russian history. Considering the borrowing of ideas, ready-made development scenarios, and their artificial inculcation on the Russian soil to be disastrous, the author raises the question of the choice of one's path by the people and each person who makes it up.

The article considers the poetics of the novel "Rehearsals" through the prism of the development of the idea of God's chosen people of Russia and the mythology of the Second Coming of Christ in Russia. Analyzing the historical scenarios represented by the three narrators, we traced their implementation in the life of a closed community, accidentally created by the French comedian Sertan. A too literal understanding of their roles in the performance based of the Gospel of Matthew, excessive performativity, turns the lives of sectarians into a vicious circle of rehearsals, followed by massacres. The hero can break this circle only when he realizes the possibility of independently building his destiny without breaking with his past.

When writing the article, we used the methods of motivational, semiotic, intertextual, and discourse analysis.

Keywords: *Vladimir Sharov, "Rehearsals", carnivalization of history, the mythology of the Second Coming of Christ.*

References

1. Andreeva O. "Zhizn' – eto tol'ko ispytatel'nyi srok". Pisatel' Vladimir Sharov o literature i smysle russkoi istorii ["Life is only a trial period". Writer Vladimir Sharov about literature and the meaning of Russian history] [Electronic resource]. URL: <https://gorky.media/context/zhizn-eto-tolko-ispytatel> (accessed: 03.04.2020).
2. Bezzubcev-Kondakov A. Karat' i vrachevat'. O proze Vladimira Sharova // Literaturno-filosofskii zhurnal "Topos". 2006 [Bezzubcev-Kondakov A. Punish and heal. About the prose of Vladimir Sharov // Literary and philosophical magazine "Topos". 2006] [Electronic resource]. URL: <https://www.topos.ru/article/4351> (accessed: 04/13/2020).
3. Voyvodich Yu. Posle vzyrva (na primere knigi L.E. Ulitskoi "Detstvo 45–53: a zavtra budet schast'e" // [After the explosion (on the example of the book of L.E. Ulitskaya "Childhood 45–53: tomorrow there will be happiness" // Category of the explosion and the text of the Slavic culture / ed. by N. Zlydnev. M.: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2016. P. 209–220]. Katergoriya vzryva i tekst slavyanskoi kul'tury (red. N. Zlydneva). M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 2016, S. 209–226 [Category of the explosion and the text of the Slavic culture (edited by N. Zlydnev). M.: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2016. P. 209–220].
4. Kovtun N.V. Rus' "postkvadratnoi" epokhi (K voprosu o poetike romana "Kys" T. Tolstoi) // Respectus Philologicus. No. 15 (20). 2009 [Kovtun N.V. Rus of the "post-square" epoch. (To the question of the poetics of the novel "Kys" by T. Tolstoy) // Respectus philologicus. 2009. No. 15 (20)].

5. Kovtun N.V., Larina M.V. Fenomen karnavalizatsii v romane Kristofa Ransmaira «Poslednii mir» // Sibirskii filologicheskii forum. 2019. № 2. [Kovtun N.V., Larina M.V. Phenomenon of carnivalization in the novel by Christoph Ransmayr “The Last World” // Siberian Philological Forum. 2019. No. 2].
6. Lipovetskii M. Paralogii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 222 s. [Lipovetsky M. Paralogy. Moscow: New Literary Review, 2008. 222 p.].
7. Likhina N.E. Utopicheskii aspekt romana V. Sharova “Bud'te kak deti” // Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Filologiya, pedagogika, psikhologiya. 2009. № 8. S. 87–90 [Likhina N. Utopian aspect of V. Sharov’s novel “Be like children” // Bulletin of the Baltic Federal University named after J. Kant. Series: Philology, pedagogy, psychology. 2009. No. 8. P. 87–90].
8. Plekhanova I. Konstanty perekhodnogo vremeni // Mifologema “vtorogo prishestviya Khrista”: dukhovno-intellektual'nye versii vo vremeni i prostranstve. Irkutsk, 2010. 491 S. [Plekhanova I. Constants of traditional time // Mythologema of the “second coming of Christ”: spiritual and intellectual versions in time and space. Irkutsk. 2010. 491 p.].
9. Sharov V.I. Repetitsii. M.: AST, 2019. 345 s. [Sharov V.I. The Rehearsals. M.: AST, 2019. 345 p.].
10. Sheiko-Malen'kikh I. Problemy poetiki prozy Vladimira Sharova // Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena. 2006. No. 19. S. 74–88 [Sheiko-Malenkikh I. Problems of prose poetics of Vladimir Sharov // Izvestiya RSPU named after A.I. Herzen. 2006. No. 19. P. 74–88].
11. Emerson C. Review essay: Vladimir Sharov on History, Memoir, and a Metaphysics of Ends // Slavic and East European Journal. 2019. No. 64.3. P. 597–607.
12. Kovtun N.V. On the Ruins of the “Crystal Palace” or the Fate of Russian Utopia in the Classical Era (N.G. Chernyshevsky, F.M. Dostoevsky, M.E. Saltykov-Shchedrin) // Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences. 2011. No. 7 (4).
13. Marsh R. Literature, History and Identity in Post-Soviet Russia, 1991–2006. Bern: Peter Lang AG. International Academic Publishers. 2007. 594 p.
14. Uffelmann D. Vladimir Sorokin’s Discourses: A Companion. Boston: Academic Studies Press, 2020. 238 p.

About the author

Larina Maria Valerievna – MA Candidate, Philology Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named by V.P. Astafiev; e-mail: philoloh151@gmail.com